

КОНТРОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТЬЮ ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Круглый стол "ЧТО МОГУТ СТРУКТУРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В БОРЬБЕ ЗА ИНФОРМАЦИОННУЮ ОТКРЫТОСТЬ ВЛАСТИ"

Юрий Шмидт,
Комитет адвокатов в защиту прав человека

Кто должен ответить за то, что правовые курьезы калечат судьбы людей?

В одном из выступлений в качестве положительного примера четкого нормативного акта был назван Перечень сведений, составляющих гостайну. Я хочу рассеять это заблуждение. Мне за последние три года пришлось поразмышлять о государственной тайне, вероятно, больше, чем многим другим. И у меня сложилась достаточно ясное представление об этом предмете.

Каждое государство имеет право на тайну, и это вещь несомненная. Но само понятие государственной тайны и перечень сведений, отнесенных к ней, должны быть сформулированы так, чтобы исключить даже возможность расширительного толкования. Естественно, количество ведомств и организаций, которым предоставлено право засекречивать сведения, должно быть сведено до самого необходимого минимума. Но вся наша законодательная база не содержит никаких гарантий того, что по произволу заинтересованных лиц и ведомств эта тайна не может стать "безразмерной".

Помню, как во время войны Совинформбюро сообщало: наши войска в целях сокращения линии фронта отошли на заранее подготовленные позиции, оставив город Киев, город Смоленск и т.д. Это был советский новояз. В то же время сокращение линии фронта может быть вполне разумным делом, и, вероятно, небольшой фронт можно защищать со значительно большим успехом. И поэтому в интересах самого же государства, чтобы понятие государственной тайны было ограниченным, компактным, чтобы "линия фронта" здесь была действительно предельно сокращена.

Могу сказать, что сегодня, сталкиваясь с людьми, которые имеют официальный доступ к этой самой государственной тайне, видишь, что люди относятся к этому в лучшем случае с иронией, потому что они прекрасно понимают, что девять десятых информации, за которую они расписываются как за государственную тайну, таковой не является, по крайней мере, для тех, кто заинтересован в получении информации о положении дел в Российской Федерации. Но мы знаем, конечно, и другое. Мы прекрасно знаем, что огромный массив государственной тайны в СССР был и, к сожалению, остается сегодня тайной, в первую очередь, от собственного народа. Здесь уже говорилось о том, что сведения о чернобыльцах, о ликвидаторах, о лицах, облучившихся в Семипалатинске, о подразделениях ветеранов особого риска и т.д. не получить. И государство заинтересовано в том, чтобы вообще информация эта не распространялась и чтобы люди не претендовали на положенные им льготы.

Я очень хорошо помню, как защищал однажды капитана гражданского судна, который мне рассказывал, как он в турецком порту в лавочке портовой купил карту–лоцию Черного моря, и когда первый помощник – это резидент КГБ на судне – увидел у него эту карту, он побледнел, изъяс, сдал ее в первый отдел и ее тут же засекретили. И это

как раз именно то, что и происходит с докладом "Беллуны". Всем известно, что он издан на четырех языках, что на всех четырех языках он имеется в Интернете, но когда "Беллуна" в очередной раз полторы тысячи экземпляров послала в Россию, все полторы тысячи экземпляров на таможне были изъяты, причем с очень интересным "правовым обоснованием": со ссылкой на статью таможенного кодекса, в которой говорится о предметах, запрещенных к вывозу из страны, в частности, предметов, составляющих государственную тайну. Да, но то к вывозу, а тут получилось, что доклад, содержащий государственную тайну России, запрещен к ввозу в Россию.

И мы до сих пор этого не смогли пробить, добиться отмены. Около года назад наш новоиспеченный генерал армии с маршальской звездой – директор ФСБ Ковалев выступал по случаю очередного Дня чекиста и произнес сакраментальную фразу о том, что разведывательная деятельность против России с каждым годом все нарастает. Это мы слышим каждый год, но на этот раз он сформулировал перечень областей, в которых западные разведки чувствуют особую заинтересованность: в экономической, военной, политической и экологической сферах.

Что там Конституция, статьи 41 и 42 которой гарантируют гражданам получение достоверной информации о состоянии окружающей среды, если директор ФСБ на полном серьезе говорит, что преступной является деятельность, направленная на получение информации об экологическом состоянии России. Послушав это, понимаешь, на что направлены усилия этих господ. А недавно в петербургской газете "Час пик" (есть в нашем городе такая странная газета) появилась статья, автор которой развил эту мысль, пояснив, что по состоянию экологии можно выведать все военные секреты страны. Правильно, заборы воздуха на радиацию, на химию, заборы почвы, воды, он даже такой изящный привел пример, как по составу органических отходов можно узнать, чем кормят солдат. Это тоже очень большая тайна, чем кормят наших военнослужащих.

За последние два с половиной года так получилось, что я стал как бы докладчиком по одной теме. Я знаю, что всех интересуют состояние дела Никитина, поэтому дам вам последнюю информацию на сей счет. Поскольку защиту свою мы строили по определенной стратегической схеме, то на каждом этапе обнародовали ровно столько информации, сколько было можно, чтобы не повредить делу. Сегодня наступил момент, когда можно сказать все. Недавно дело передали в суд и мы заявили ходатайство о прекращении дела в стадии назначения его к слушанию. Главный – и впервые приведенный нами открыто – мотив: отсутствие правовой базы для обвинения Никитина. И сейчас я вам сообщу потрясающую новость: в России с сентября 1993 года, когда был принят Закон "О государственной тайне", до 30 ноября 1995 года, когда Президент издал свой Указ номер 1203 "Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне", государственной тайны вообще не было. Сейчас вы поймете, о чем я говорю. В статье 29 Конституции РФ говорится, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, утверждается федеральным законом. Федеральный закон "О государственной тайне" вступил в силу 21 сентября 1993 года. Статья 5 этого Закона называлась "Перечень сведений, которые могут быть отнесены к государственной тайне". А статьи 4 и 9 определяли процедуру отнесения сведений к государственной тайне, наделяя, правда, не совсем по Конституции, Президента Российской Федерации правом утверждать перечень сведений, отнесенных к государственной тайне. А Президент, который, в соответствии с Постановлением, принятым Верховным Советом одновременно с Законом, должен был решить этот вопрос до 1 января 1994 года. Ну, что началось в октябре 1993 года, никому не нужно напоминать, но, во всяком случае, государственная программа, которая должна была быть реализована, включая Указ Президента, до 1 января 1994 года, запоздала на два года, и в 1995 году Президент такой перечень, наконец, утвердил. Лишь в сентябре 1997 года Дума опомнилась, вероятно, по чьей-то подсказке, и статью 5 вместо

"Перечень сведений, которые могут быть отнесены к государственной тайне" озаглавила "Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне". При этом оставила в силе статью, согласно которой перечень таких сведений утверждает и Президент. Новая редакция Закона внесла еще больше путаницы. Там сохранено положение о том, что некие "развернутые перечни" могут не публиковаться официально, что вообще противоречит статье 15 Конституции и Постановлению Конституционного суда. За эту норму цеплялись эксперты в деле Никитина. ГБ плевала и на Конституцию, и на Конституционный суд, и на Постановление заместителя Генерального прокурора Катышева, в котором было прямо сказано, что следствие допустило применение нелегитимных нормативных актов, что вся экспертиза построена на применении неопубликованных приказов министра обороны, и дополнительная экспертиза должна быть основана на Законе. Но вместо этого мы получили экспертизу все того же Восьмого управления Генерального штаба. Состояла экспертная комиссия из четырех полковников не вполне ясной специальности, но, по крайней мере, какой-то военной, которые позволили себе треть своего заключения построить на полемике с Генеральной прокуратурой и на доказывании того, что как раз можно применять эти самые неопубликованные нормативные акты.

Понять этих бедолаг по-своему было можно, потому что они все-таки имели редакцию Закона "О государственной тайне" от 1993 года, и им, экспертам, было ясно, что применить только статью Закона – это означает написать, что ни в действиях Никитина, ни в действиях любого другого человека, совершившего какое-то деяние, разглашение чего-то в период между 21 сентября 1993 года и 30 ноября 1995 года, состава преступления нет, потому что отсутствует правовая основа. Поэтому они цеплялись за эти приказы – неопубликованные и противоречащие Конституции, Закону и вообще всему на свете, потому что тут была хоть какая-то логика, какая-то база в их позиции. Но если в тот период положение было трагикомическое, то сегодня оно стало курьезным. Какой-то дурной фарс. На последнюю жалобу в Генеральную прокуратуру мы получили замечательный ответ, подписанный другим заместителем Генерального прокурора, Розановым, который написал, что вообще обвинение Никитина в сборе и передаче сведений, составляющих государственную тайну, является обоснованным, однако прокурору Санкт-Петербурга предложено "исправить упущение", а именно: исключить ссылки на неопубликованные нормативные акты, как противоречащие статье 15 Конституции.

Заметьте, что прокурор предложил исключить не применение неопубликованных актов, а ссылку на такие акты. Как следствие ФСБ выполнило это указание? Следствие переписало постановление о предъявлении обвинения один к одному, с теми же формулировками, взятыми из этих секретных приказов, базируясь на том же экспертном заключении, но ссылки на приказ N071 от 7 сентября 1993 года, пункт 242, пункт 305 и т.д. оно исключило. Это примерно то же самое, что запретить смертную казнь или запретить ссылаться на то, что у нас существует смертная казнь.

И, предъявив вот это курьезное обвинение, с формулировками, взятыми из приказов, исключив только их упоминание, следствие в качестве правовой базы использовало пункт первый статьи 5 Закона "О государственной тайне". Сведения, которые могут быть отнесены (но никем не отнесенные!) к государственной тайне в военной области. Я не буду повторять то, о чем все давно знают, что сведения, разглашение которых вменяется Никитину, не только по прежней редакции Закона не составляли государственной тайны, но и по своему содержанию они не могли быть отнесены к государственной тайне.